

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1972 ГОД



ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1974

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ПИСЬМА К Ф. СОЛОГУБУ

Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

У Андрея Белого, на разных этапах его жизненного и творческого пути, было много «спутников» жизни — С. М. Соловьев, А. А. Блок, Э. К. Метнер, В. Я. Брюсов, Эллис, Р. В. Иванов-Разумник и др. Федор Сологуб не принадлежал к их числу. Встречи писателей, знакомых лично с 1905 г., носили, как правило, случайный и мимолетный характер. Это объяснялось отчасти внешними обстоятельствами: Андрей Белый постоянно жил в Москве, Сологуб — в Петербурге, причем держался особняком от тех петербургских литературных кругов, в которые был вхож Белый. «<...> Сологуб механически мне отстранялся другими людьми: в ряде лет», — отмечал А. Белый в мемуарах.¹ Однако отдаленность писателей друг от друга обусловлена и другой немаловажной причиной. Творчество Сологуба с его пессимизмом, эгоцентризмом и культом смерти было для Андрея Белого «квинтэссенцией декадентских переживаний», последовательно им отвергаемых: «Бессильно противопоставлял я жизненную уверенность в том, что полеты — будут, что помощь — возможна».² Это не мешало ему высоко оценивать незаурядный талант Сологуба, поднимавшего в своем творчестве многие насущные и для самого А. Белого вопросы, своеобразие и целостность художественной системы своего идейного антагониста.

Книги Сологуба занимали огромное место в сознании Белого. Когда в 1928 г. в Ленинграде готовился вечер памяти Сологуба, Андрей Белый писал Р. В. Иванову-Разумнику, организатору собрания: «С большой радостью к назначенному сроку постараюсь закрепить воспоминания свои о Федоре Кузьмиче, к сожалению бедные, ибо хотя и знаком был с ним 22 года, однако редко встречались; летуче как-то; и не очень много наскребется интересного <...> может быть, лучше сплести воспоминания о нем с воспоминанием о действии на меня его книг; он — *очень и очень* влиял на меня; и в каком-то реальном, писательском смысле был более учителем моей прозы, чем „мэтр“ Брюсов — моих стихов; „Жало Смерти“, „Истлевающие личины“, „Мелкий бес“, „Сказочки“ были действительно моими настольными книгами; я *ходил* в них, *жил* в них, а не только читал; то же скажу и о „Пламенном круге“».³ В рецензиях на книги Сологуба Белый подчеркивал, что «Федор Сологуб — один из первых стилистов нашего времени»,⁴ «у него подлинное страдание, подлинное дерзание».⁵ Завершенную концепцию творчества Сологуба Белый предложил в статье «Далай-лама из Сапожка»,⁶ в связи с которой и написано первое из публикуемых писем.

Статья Белого имеет подчеркнуто экспериментальный характер — как в нарочитом, полукомическом стиле изложения, так и в рассмотрении творчества Сологуба как единого текста, реализующего в различных произведениях-вариантах единую художественно-мировоззренческую систему. Статья вызвала резкое недо-

¹ Андрей Белый. Начало века. М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 441.

² Там же, стр. 112, 113.

³ Письмо от 8 февраля 1928 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 19. А. Белый упоминает роман «Мелкий бес» (1902), сборники рассказов «Жало Смерти» (М., 1904), «Истлевающие личины» (М., 1907), «Политические сказочки» (СПб., 1906) и восьмую книгу стихов «Пламенный круг» (М., 1908).

⁴ «Критическое обозрение», 1907, № 3, стр. 27 (рецензия на «Истлевающие личины»).

⁵ «Перевал», 1907, № 8—9, стр. 101 (рецензия на шестую книгу стихов «Змий»).

⁶ «Весы», 1908, № 3, стр. 63—76. Столь же пристального критического внимания Сологуба к творчеству Белого мы обнаружить не можем. Отметим лишь упоминание о «точном изображении быта» в романах Белого в статье Сологуба «Искусство наших дней» («Русская мысль», 1915, № 12, отд. II, стр. 42). Однако Сологуб, как вспоминал Белый, «выказывал благоволение» ему как художнику слова: «Не стал бы и строчки вычеркивать я в ваших книгах» (Андрей Белый. Начало века, стр. 444).

вольство Сологуба.⁷ Помимо обстоятельств возникшего конфликта, письмо ярко характеризует атмосферу ожесточенной журнальной полемики, которую А. Белый, как один из лидеров журнала «Весы», вел против модернистских новаций во имя «истинного» символизма.

Второе письмо А. Белого написано летом 1909 г., во время работы над романом «Серебряный голубь», когда в его жизни определился поворот к новым духовным и творческим исканиям, открывшим эпоху «второй зари».⁸ В мемуарах Белый лишь кратко упомянул об этом,⁹ поэтому публикуемое письмо особенно важно в биографическом аспекте.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы, в архиве Ф. Сологуба (ф. 289, оп. 3, ед. хр. 98). Остальные четыре письма Белого к Сологубу, относящиеся к последующим годам, представляют меньший интерес и здесь не воспроизводятся.¹⁰

1

«Москва, 30 апреля 1908 г.»

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

Только на днях я встретился с В. Я. Брюсовым, и он сообщил мне, к моему изумлению, что Вы имеете претензию на «Весы» за напечатание моей статьи о Вас.¹ Ввиду того что я привык себя считать Вашим горячим поклонником и что в статье моей о Вас я, кажется, недвусмысленно называю Вас «огромным художником»,² я принужден (считаю своей обязанностью) объяснить с Вами лично.

Меня удивляет глубоко, Федор Кузьмич, что, считая себя обиженным моей статьей, Вы не обратились ко мне лично с выражением своего недовольства. Или Вы полагали, что я литературный проходимец, обращаться к которому Вы считаете ниже своего достоинства. Может быть, я проходимец в том смысле, что не готовил себя к литературной карьере, а к научной, и что не я просил никого, никогда меня напечатать, а, наоборот, меня просили участвовать в литературных предприятиях. Быть может, оттого $\frac{2}{3}$ произведений совр<еменной> литературы представляются мне шарлатанством, а литературные сферы я избегаю, как только могу. Здесь «дурно пахнет».³ Вот почему с особой любовью отношусь лишь «к» двум-трем именам в литературе (в том числе и к Вам). Поймите, что мне особенно больно слышать, что Вы оскорблены моей статьей.

Не могу допустить, будто Вы усмотрели в моей статье непризнание Вас. Следовательно, сущность Вашего недовольства сводится не к тому, что я говорю, а к тому, *как* я говорю. В *façon de parler*^a вся суть.

Считаю нужным объяснить.

Стиль статьи зависит от метода отношения: согласитесь со мной — в Ваших произведениях помимо огромного таланта есть особая нота, придающая неразложимую прелесть Вашим произведениям: мало сказать, что Вы заражаете переживанием читателя: Вы его гипнотизируете; и вот контрабандой в читателя проникает Ваше мировоззрение; это «колдовство» я не раз на себе испытывал. Ваша физиономия как писателя ярка до чрезвычайности: с Вами нужно бороться. Я по крайней мере боролся

^a Манера говорить (*франц.*).

⁷ Об этом А. Белый упоминает в «Начале века» (стр. 446). При переиздании статьи (под названием «Ф. Сологуб» в кн.: Луг зеленый. М., 1910, стр. 152—177) А. Белый смягчил отдельные выражения, впрочем, незначительно.

⁸ Определение из автобиографического письма А. Белого к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 18).

⁹ См.: Андрей Белый. Между двух революций. Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 368.

¹⁰ В ЦГАЛИ хранятся также два приветственных письма А. Белого к Сологубу в честь 40-летия его литературной деятельности (январь 1924 г.) (ф. 53, оп. 1, ед. хр. 133).

с магией Ваших слов, а я, как писатель, молюсь *иным богам*, не Вашим. Ваше предисловие к «*Мелкому бесу*»⁴ есть своего рода заклинание; я по крайней мере так и воспринял; серия Ваших книг есть: 1) серия дивных образов, 2) это сплошной наговор на действительность. Если бы я был только критик, если бы у меня не было *святынь*, за которые я готов отдать жизнь, я бы только констатировал Ваше значение в литературе; но как ратник я обязан обнажать за «*свое*» меч: этим мечом в литературе служит «отговор»: и моя статья параллельно с критической стороной ее являет «отговор» на Ваш «наговор».⁵ Быть может, мне это не удалось, быть может, Вы прочли статью вовсе не так, как я ее писал, но одного в ней не может быть: глумления; между тем из слов В. Я. я понял, что Вы считаете мое изображение Вас как колдуна глумленьем.⁶

Я глубоко убежден, что сущность Ваша как писателя вовсе не в том, что Вы определяете в себе сознанием: превращение армянина в ёлкича должно было олицетворить мой взгляд на Вас. Ваша «смерть» для меня не смерть вовсе.⁷ Я игнорирую в Вас то, что мне кажется соблазнительным с точки зрения моего «*credo*». Но конечно в моей статье доминирует нота преклонения перед Вами как перед писателем. Я вижу среди писателей только Гоголя, которому отдаю явное предпочтение перед Вами. Это же явствует из моей статьи.⁸ Если же отдельные слова, строчки,носящие характер «отговора», Вы прочли как глумленье (!!!!), значит в этом дефект моей статьи, значит я не так выразился. Я готов извиниться печатно, если Вы укажете мне точно те выражения, которые могли Вас оскорбить; я объяснюсь. Неужели Вы считаете меня за какого-нибудь хулигана, которому наплевать на все, неужели страстность вообще моих заметок принимаете Вы как литературное «реброкрушительство», а не как горькие, выстраданные слова, нарочно острые, чтобы нажать себе врагов среди шарлатанства, цинизма и духа рекламы, которым пропитана вся почти наша критика. Ведь моя резкость и стремительность, я знаю, создает мне все больше и больше врагов, замыкает в полное одиночество; ведь большинство врагов действует исподтишка, с улыбкой говорит с Вами, а за спиной у Вас строит гадости. Да, у меня есть в критике страстность — и это потому, что я не критик, а воин: как бы это «воинствование» не искажалось в литературе, я-то знаю, что я *воин*, и как *воин* требую к себе уважения.

И вот потому-то я считаю необходимым высказать Вам от чистого сердца мое уважение и удивление как литератору; мою готовность всячески искупить свою неловкость; мое согласие, даже полную готовность удалиться из «*Весов*», буде Вас не удовлетворит мое письмо, и во всяком случае я не допущу, чтобы Ваше отношение к «*Весам*» определялось моей статьей: «*Весы*» (я разумею Редакцию) *тут не при чем*.⁹

Вместе с тем совершенно откровенно выражаю мое недоумение Вам: раз Вы прямо не обличили меня, минуя третьих лиц, значит Вы считаете меня за какого-то проходимца; не забывайте, что у меня есть только одно: *мой мир идей и образов*, которому одному буду служить, как могу.

У Вас в Петербурге *действительно* развилось много всякой нечистоплотности.¹⁰ Дорогой, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, помните, что я не тот, кто позволяет себя смешивать с «темными личностями». Раз мы знакомы, раз в глубине я привык Вас уважать глубоко, я требую от Вас к себе только одного: *прямоты* отношения и уважения. А там браните меня, уличайте, обличайте — я всегда Вас сумею выслушать как учителя. Жду Вашего ответа. Поймите, мое обращение к Вам от чистого сердца требует, чтобы Вы меня успокоили ответом, все равно какого бы характера не носил этот ответ. Я могу быть ничтожным поэтом, литератором, критиком — не в этом дело: тут я смотрю на Вас как на дорогого учителя.

Есть только одна область, где я говорю с Вами, как равный с равным: это — область чести и нравственных отношений.

Примите уверение в моем искреннем уважении и любви.

Борис Бугаев.

P. S. Мой адрес: Москва, Арбат, Никольский переулок, д. Новикова, кв. 7. Борису Николаевичу Бугаеву.

Письмо датируется по почтовому штемпелю; оно было получено Сологубом на следующий день.

¹ 12 апреля 1908 г. Сологуб отправил Брюсову, фактическому редактору журнала «Весы», письмо с возражениями против помещенной в только что вышедшем № 3 журнала статьи Андрея Белого «Далай-лама из Сапожка». Сологуб обиделся на Белого за раскрытие его псевдонима (в статье Белый не раз называет Сологуба «Федор Кузьмич»), но в особенности за следующее, по его словам, «изящное место» статьи, которое он цитирует, лишая смысла, присущего в контексте: «Колдовство Сологуба — блоший укус... сам-то он... немногим больше блохи». Сологуб завершил письмо фразой: «От более же распространенных комментариев воздержусь, помня, что писачке „немногим больше блохи“ подобает скромность» (ГБЛ, ф. 386, картон 103, ед. хр. 26). В ответном письме от 15 апреля Брюсов защищал Андрея Белого, акцентируя внимание Сологуба на «положительном» аспекте статьи: «<...> самый факт появления всей этой статьи, изучающей Ваше творчество медленно, подробно, старающейся вникнуть в его глубину, свидетельствует о том, что и автор ее, и журнал, поместивший ее, придают Вашим произведениям значение исключительное. В частности в статье действительно есть направленные против Вас удары. Но ведь не считаете же Вы непогрешимыми ни себя, ни Белого!» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94). Отвечая на это письмо, Сологуб, однако, настаивал на своем: «Сравнение меня с блохой, может быть, и очень верно, но недопустимо на страницах журнала, где я участвую <...> Мне остается только сказать, что я остаюсь при моем мнении о совершенной недопустимости таких приемов по отношению к кому-нибудь из сотрудников» (письмо от 19 апреля — ГБЛ, ф. 386, картон 103, ед. хр. 26). «Не понимаю, почему Вы не хотите обсуждать статью А. Белого по существу, — вновь возражал Брюсов. — <...> Мне, при чтении статьи А. Белого, представлялось, что несколько шутливый, если хотите шутовской, тон ее — это метод автора, а существо статьи — любовь к Вам и Вашему творчеству <...> В таком убеждении оставил нас и А. Белый, когда мы говорили с ним лично о его статье <...> Видев недавно А. Белого, я сообщил ему содержание Ваших писем. Он, по-видимому, был ими огорчен, хотел писать Вам и готов печатно „оговориться“, если его статья дает повод к недоумениям. „Весы“ с своей стороны для этих „оговорок“ и „поправок“ раскрывают свои страницы так широко, как только можно» (письмо от 24 апреля — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94). Результатом этого разговора Брюсова с Андреем Белым и явилось публикуемое письмо. При переиздании статьи А. Белый изменил фразу, особенно обидевшую Сологуба.

² В статье «Далай-лама из Сапожка» Андрей Белый называет Сологуба «громздным художником» («Весы», 1908, № 3, стр. 76).

³ Реминисценция из Ницше: «Скажите мне, звери мои: эти высшие люди все вместе — быть может, они пахнут не хорошо? О, чистый запах, окружающий меня!» и т. д. (Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1913, стр. 351). Этими словами Андрей Белый не раз определял свое отношение к постоянным в символической среде второй половины 900-х годов внутренним конфликтам, инцидентам и интригам (что не мешало, впрочем, ему быть их деятельным участником). Ср. строки из его письма к Эллису (Л. Л. Кобылинскому) (февраль 1908 г.), написанные по аналогичному поводу: «Друг мой, я зажимаю нос, чтобы не слышать дурного запаха, и не могу: с зажатым носом продолжаю слышать дурной запах... „О, чистый воздух вершин!.. О эти «высшие люди»: от них еще дурно пахнет!“» (ГБЛ, ф. 25, картон 30, ед. хр. 6).

⁴ Имеется в виду «Предисловие автора ко второму изданию» романа (1908). См.: Федор Сологуб. Собрание сочинений, т. VI. СПб., «Сирин», 1913, стр. VII—VIII.

⁵ Ср. суждение о статье «Далай-лама из Сапожка» в позднейшем письме Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 7 февраля 1928 г., написанном в связи со смертью Сологуба: «В ответ на „чур-чурашки“, или наговор „сологубизма“, я хотел собственноручно ответить антинаговором, обращенным к Сологубу: отколдованием Сологуба от него самого». Далее А. Белый подробно пересказывает свою статью (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 19).

⁶ Защищая Андрея Белого, Брюсов писал Сологубу: «Белый уверяет, что Вы — не Колдун, и даже подсмеивается над Вашими колдованиями. Так что же? Не удовольствуетесь ли Вы именем великого художника, предоставив звание великого

колдуна кому-либо другому?» (письмо от 15 апреля 1908 г. — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94). Сологуб в ответном письме от 19 апреля заявлял: «Вы приписываете мне то, о чем я не писал, и делаете обо мне предположения весьма удивительные: <...> что я притязаю быть великим колдуном <...> О великом колдуне, по-моему, можно говорить лишь в шутку. Но если это серьезно, то я с удовольствием предоставлю это шутовское звание другому» (ГБЛ, ф. 386, картон 103, ед. хр. 26). Вероятно, именно об этих словах Сологуба упомянул Брюсов в разговоре с Андреем Белым.

⁷ «Армянин» — «колдун» из рассказа «Маленький человек» (Федор Сологуб. Истлевающие личины. М., «Гриф», 1907, стр. 74—90), с которым А. Белый идентифицирует Сологуба — «волшебника» и «фокусника-покусника», зачаровывающего идеей смерти («Весы», 1908, № 3, стр. 74). «Ёлкич» — фантастический образ из «Январского рассказа» (Истлевающие личины, стр. 91—97): «измученный ёлкич, у которого украли жизнь, зеленую елку» («Весы», 1908, № 3, стр. 71). Вывод, который делает Андрей Белый из анализа художественной системы Сологуба («Золотая заря природы — золотая заря смерти. Бессознательный зов любви — бессознательный зов к смерти» и т. д.), приводит его к мысли, что Сологуб «перепутал основные понятия», «преобразуя уравнения <...> позабыл переменить знаки на обратные»: «жизнь его называем смертью, смерть — жизнью». Отсюда и те положения статьи, на которые указывает А. Белый в письме: «Пока Сологуб, переряженный в колдуна-армянина, поил нас водой смерти (водой живой), мы брызнули на колдунка водой жизни (смерти), и стал колдун уменьшаться; остался халат да шапка, там что-то попискивало: это был милый, маленький ёлкич, запутавшийся в одежде» (там же, стр. 74—75). Сологубовскую «смерть» А. Белый, в русле своего оптимистического мирозерцания, переосмысливает как «воскресение». В ответном письме от 1 мая 1908 г. Сологуб отверг интерпретацию Белого как совершенно произвольную: «Отождествлять меня с армянином или ёлкичем — это, может быть, очень мило, но, по-моему, не верно и не полезно. Почему смерть имеет знак обратный, чем жизнь, я не понимаю; не знаю той меры, которою измеряется в одну сторону жизнь, а в другую смерть; представляю жизнь как процесс, но не знаю, как в виде процесса представить смерть (а не умирание). Думаю, что Ваши схемы очень остроумны, но совершенно произвольны, и что цитаты из моих сочинений можно взять для соображений совершенно противоположного характера» (ГБЛ, ф. 25, картон 24, ед. хр. 6).

⁸ Сопоставление Сологуба с Гоголем — одна из главных тем статьи «Далай-лама из Сапожка». В письме к А. Белому от 1 мая 1908 г. Сологуб возражал: «Вы пишете, что Гоголю отдаете предпочтение передо мною, — а ведь напомнить кого-нибудь и быть ниже его — это не признак настоящего поэта» (ГБЛ, ф. 25, картон 24, ед. хр. 6). Позднейшее исследование А. Белого «Мастерство Гоголя» содержит специальную главу «Гоголь и Сологуб», в которой дан сравнительный анализ языка и стиля двух писателей (Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М.—Л., ГИХЛ, 1934, стр. 291—294). О влиянии Гоголя на Сологуба см. также: U. Kirsten. Zur Rezeption der «toten Seelen» durch die symbolistische russische Prosa. — «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, Bd. XIII, 1968, Heft 3, SS. 373—385.

⁹ Инцидент был исчерпан перепиской: ни Андрей Белый, ни Сологуб не вышли из числа сотрудников «Весов».

¹⁰ Андрей Белый намекает здесь прежде всего на постоянный объект своих критико-полемических нападков — «мистических анархистов» и «мистических реалистов», — литераторов, живших в большинстве своем в Петербурге. Эта полемическая установка Белого наиболее отчетливо отразилась в статьях «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5), «Люди с „левым устремлением“» («Час», 1907, № 10, 24 августа), «Вольноотпущенники» («Весы», 1908, № 2), а также в большинстве его статей и рецензий 1907—1908 гг. Сологуб, не одобрявший этой позиции Белого и «Весов», в цитированном ответном письме Белому отмечал: «Не очень понимаю, о какой нечистоплотности в Петербурге Вы пишете; знаю, что есть сплетни и есть клеветы, и думаю, что и Москва не без всячинки. Или у Вас все святы и все велики?».

2

<5 июля 1909 г.>

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузьмич!

Ужасно обрадовался, получив от Вас вести. Отвечаю не сразу: письмо Ваше пришло в Москву, а вот уже 2 недели, как я не был в Москве.¹

Наша беседа очень и очень запечатлелась для меня, дорогой Федор Кузьмич: есть большая потребность Вас видеть и с Вами поговорить. Помню, что будете в Москве осенью; очень серьезно для меня то, что говорили мы о литературе.

Я живу под Москвой, живу совсем уединенно с товарищем:² терраса прямо спускается в некошенный луг; дальше лес; живу с цветами, с книгами, с днями: цветы — белые, красные, желтые; книги — умные, глупые, дни — и золотые, и бирюзовые, и свинцовые — осыпаются дни лепестками, хрустальными дождями, лучами и мыслями. И вот их нет... забывается время, забываются сроки: если бы так навсегда кануть во все времена и во все пространства!

С ужасом думаю — будет зима с мелкими людишками, с истерикой, злобой и клеветой. О если бы не ступать в грязь, называемую нашей литературной средой: нельзя заказать достаточно высоких калош, чтобы они не зачерпнули этой грязи.

В усадьбе, где я живу, есть маленькая, старенькая старушка:³ она очень начитанна, и иногда от этого делается трудно. Старушка — милая: но когда собирается гром, у нее в глазах просвечивает ужас: тогда она бросает мне вызов; неожиданно оказываешься вовлеченным в «умный» разговор. Глядишь — уже собралась туча. После грозы старушка улыбается цветам, лучам, пчелам.

И мы миримся.

Зори в этом году особенно милые: таких зорь не было вот уже три года. Три года задавила горние сферы душная мгла. И вот ныне в зорях как бы дается вновь обещание... но чего?..

Было время, когда я не пропускал ни одной зари; пять лет я следил за зорями, и наконец научился разговаривать с близкими мне по зорям.⁴ Душа, что заря: у одного она красная, у другого — тигриная шкура, у иной — матово-жемчужовая. И вот, бывало, отсияет заря — и отсияет, просияв, знакомая душа. Так прежде я умел летать на заре к милым и близким.

А потом замутились, разложились для меня зори: посмотришь — трупная шкура; и кровавая лапа бархатная: ляжет заря на сердце, оцарапает сердце — больно и горько.

Я полюбил тогда то, что против зари: тусклую, мутную, синюю мглу.

Ныне будто очистились зори, и опять «милые голоса» зовут... Опять ждешь с восторгом и упованием...

Но чего же, чего?..

Дорогой Федор Кузьмич, мне было дорого получить от Вас весть. Я рад, что Вы подали голос: мы житейски мало знаем друг друга; мне и ценно, и радостно думать, что между нами есть возможность взаимного приближения. Так мало людей, так много «недотыкомок»:⁵ так жутко в мире нежителей!

А чувствую — приближается время, когда должно же возникнуть единение между теми, в ком есть высокое знамя *служения* или по крайней мере (как у меня) порыв, попытка... *служить знамени*. Остаюсь сердечно Вас любящий и глубоко уважающий Борис Бугаев.

Р. S. Мой привет и уважение Анастасии Николаевне.⁶

Р. P. S. Мой адрес: По Николаевской ж. д. Станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение А. Г. Коваленской. Мне (до 15 августа).

Письмо датируется по почтовому штемпелю; получено Сологубом, жившим на даче в Эстляндской губернии (Меррекюль), 7 июля.

¹ Андрей Белый отвечает на письмо Сологуба от «20 июня 1909 г.», в котором говорится: «Где Вы? Напишите. Часто думаю о нашей московской беседе» (ГБЛ, ф. 25, картон 24, ед. хр. 6).

² Летом 1909 г. Андрей Белый жил в подмосковном имении Дедово вместе с Сергеем Михайловичем Соловьевым (1885—1942) — поэтом-символистом и своим близким другом.

³ Имеется в виду Александра Григорьевна Коваленская (1829—?) — бабушка С. М. Соловьева, детская писательница, владелица имения Дедово. А. Белый

дал ее портрет в мемуарах (Андрей Белый. Между двух революций, стр. 13—18).

⁴ Андрей Белый вспоминает об «эпохе зорь» (1900—1904): времени исповедания им своеобразного «жизнетворческого» мирозерцания — «аргонавтизма», нашедшего художественное воплощение в его трех первых «Симфониях» и сборнике стихов «Золото в лазури» (подробнее см.: Т. Ю. Хмельницкая. Поэзия Андрея Белого. — В кн.: Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М.—Л., «Сов. писатель», 1966 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 16 и сл.). Говоря далее о «тусклой, мутной, синей мгле», Белый имеет в виду последующие годы трагических личных переживаний, кризиса идеалов и изнурительной журнальной борьбы (1904—1908).

⁵ «Недотыкомка» — бредовый образ, возникающий в сознании сходящего с ума Передонова — главного персонажа романа Сологуба «Мелкий бес» (1902); ср. также стихотворение Сологуба 1899 г. «Недотыкомка серая» (Федор Сологуб. Собрание сочинений, т. IX. СПб., «Сирин», 1914, стр. 106).

⁶ Анастасия Николаевна — А. Н. Чеботаревская (1876—1921), писательница, жена Сологуба и соавтор ряда его произведений.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции	3
І. О б з о р ы и с о о б щ е н и я	
<i>Б. Н. Капелюш.</i> Архив братьев Бестужевых	5
<i>К. Д. Муратова.</i> Архив Ф. Д. Батюшкова	28
<i>Г. Г. Полякова.</i> Архив А. М. Дмитриева	49
<i>В. Э. Вацуро.</i> Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»	55
ІІ. Н о в ы е п о с т у п л е н и я	
<i>Л. П. Архипова, М. И. Малова.</i> Обзор историко-литературных архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за 1970—1971 гг.	63
ІІІ. П у б л и к а ц и и	
<i>Н. Бестужев.</i> Шлиссельбургская станция. (Черновые наброски). Публикация Б. Н. Капелюш	72
<i>Н. И. Гнедич.</i> Письма к К. Н. Батюшкову. Публикация М. Г. Альтшуллера	78
<i>Поль Валери.</i> Письма к Ф. Д. Батюшкову. Публикация А. Б. Муратова	93
<i>П. Ф. Якубович.</i> Письма к Ф. Д. Батюшкову. Публикация А. Б. Муратова	101
<i>Ф. Сологуб.</i> Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому. Публикация И. Г. Ямпольского	112
<i>А. Белый.</i> Письма к Ф. Сологубу. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова	131
<i>М. М. Зощенко.</i> Н. Тэффи. Публикация В. В. Зощенко	138
Указатель имен	143
Указатель периодических изданий и учреждений	150
Список иллюстраций	151

Е Ж Е Г О Д Н И К Р У К О П И С Н О Г О О Т Д Е Л А
П У Ш К И Н С К О Г О Д О М А
Н А 1 9 7 2 г о д

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмцова.* Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Э. Ф. Васильева.* Корректоры *Н. З. Петрова* и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 30/І 1974 г. Подписано к печати 16/V 1974 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 9¹/₂ = 13.30 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 13.32. Изд. № 5575. Тип. зак. № 871. М-37585. Тираж 3250.
Цена 80 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12